

История

Вторая мировая война и русская трагедия

07 июня 11:51

АЛЕКСАНДР ФОМЕНКО

историк и политолог, член Парламентской Ассамблеи Совета Европы (2004-2008)

Столкновение интерпретаций.

Фото: На улицах Парижа. 1943 год

Странное впечатление производят на стороннего наблюдателя апелляции наших официальных лиц разного уровня к своим западноевропейским партнёрам или *коллегам* по поводу тех или иных выходов разнообразных политических хулиганов из новых стран-членов ЕС. Ведь если наше руководство два десятка лет назад само столь добродушно отпустило восояси своих тогдашних сателлитов, а то и сограждан, даже не оговорив при этом условия будущих взаимоотношений, трудно сегодня жаловаться на них в Брюссель. У старых западноевропейцев и так уже голова болит от многочисленных новоевропейских инициатив внутри ЕС.

Вообще говоря, *реактивная* политика России в области *Soft Power* давно должна была уступить место политике *активной*, инициативной. Официальное «реагирование» на те или иные случаи нежелательной для нас политической ревизии итогов Второй мировой войны слишком часто оказывается *внутриполитически полезным* как раз для тех сил и лиц, против которых оно, казалось бы, направляется.^[1]

Во внешнеполитической «войне интерпретаций» нам лучше тратить силы и время на пра-

вильную формулировку своих вопросов, предлагая вниманию Парижа, Лондона и Брюсселя соответствующую месту и времени ревизию официозной западной интерпретации истории Второй мировой, нежели на поиски нужных ответов – на чужие вопросы.

Знаменитые парижские модистки Роза Валуа, мадам ле Монье и мадам Аньес на ипподроме Лонгшан, август 1943 года

Нам следует, исключительно ввиду всё большего *расширения свободы слова и углубления исторических познаний* старых европейцев, начать по любому поводу напоминать Брюсселю и Парижу о содержании тех страниц европейской военной истории, к которым,

по воле победителей, все послевоенные десятилетия не принято было привлекать излишнее внимание.

Ведь многогранная тема взаимоотношений Европы и гитлеровского нацизма – весьма неудобна для нынешних правящих либеральных европейцев всех стран, даже тех, что оказались в 1945 году на *правильной* стороне, на стороне англосаксонско-советских победителей.

Обсуждая эту тему, нужно поставить «старых европейцев» перед необходимостью определиться, должны ли они сегодня солидаризоваться с духовными потомками тех ветеранов Второй мировой, что воевали за установление в Европе «нового порядка», или им можно обойтись привычными клятвами в вечной дружбе с народами стран антигитлеровской коалиции.

Учитывая то обстоятельство, что о наших чувствах Париж и Лондон сегодня особенно не заботятся, нам тоже не следует осторожничать с чувствами их элит.

Нам самим, впрочем, тоже придётся расстаться с некоторыми историческими иллюзиями и штампами, ставшими привычными за прошедшие после войны десятилетия.

Мы, например, не привыкли вдаваться в теоретические и практические различия между различными версиями европейского антилиберального и антикоммунистического национализма, и до сих пор зовём всех без исключения врагов коммунизма и либерализма «фашистами», подразумевая при этом немецких национал-социалистов.

Хотя разница между католическими корпоративистскими режимами доктора Салазара и генерала Франко, с одной стороны, и революционными и прогрессистскими проектами известного социалиста Бенито Муссолини и не менее известного национал-социалиста Адольфа Гитлера – огромна.

Да и между фашистским режимом Муссолини, явно не симпатизировавшего немцам и идеологически чуждого каким-либо расовым мотивам, и режимом Гитлера – различий

было не меньше, нежели между различными толками ислама – суннитским и шиитским.

В июле 1943 года, между прочим, именно Высший совет фашистской партии проголосовал за отставку Муссолини: и некоторые заслуженные члены совета, как Де Боно, поплатились за это головой.^[2] Но в итоге последовавших событий Итальянское королевство в сентябре того же года замирилось с антигитлеровской коалицией, а 13 октября – даже объявило войну Германии. (Схожим образом в рядах победителей оказалась и Румыния, а её король Михай стал даже кавалером ордена «Победа».)

В Люксембургском саду. Париж, май 1942 года

Нет смысла сегодня, как во времена СССР, неумеренно прославлять «всеевропейское движение Сопротивления» против нацизма, придавая ему слишком большое значение – вне всякой связи с исторической реальностью. Ибо так называемое *Сопротивление* в странах старой Европы носило вполне локальный характер, и воздействие его на военную машину Берлина было исчезающее малым. Более или менее масштабное партизан-

ское движение существовало лишь в горах Сербии, а в рядах союзных армий против Гитлера серьёзно воевали лишь поляки – в гораздо большем числе, нежели официальные победители – французы де Голля. (Именно поэтому отношение сербов или поляков к памяти об этой войне отличается от отношения к ней других, как западных, так и восточных, европейцев.)

Славные легенды о французских коммунистах – героях антигитлеровского Соппротивления – призваны были, в частности, скрыть один бесспорный факт: люди Жака Дюкло и Мориса Тореза в 1939-1940 годах были, по меньшей мере, пацифистами, выступая против войны своей страны с нацистской Германией, тогдашним союзником советских коммунистов.^[3] Лишь после 22 июня 1941 года французские коммунисты и нацисты оказались по разные стороны фронта.

Как в Париже, так и в Москве, Лондоне и Вашингтоне в послевоенные десятилетия предпочитали не вспоминать и о том, как именно появился на свет и что представлял из себя знаменитый «вишистский режим».

Надо сказать, что национального героя Франции маршала Филиппа Петэна, признанного победителя в битве под Верденом, законно избранный французский парламент в 1940 году, с соблюдением необходимых формальностей, наделил полномочиями главы *Французского государства*.

Французское правительство маршала Петэна не капитулировало перед Германией: военные действия на французско-немецком фронте были остановлены после подписания простого *перемирия*. И условия этого перемирия Парижа с Берлином были много легче условий знаменитого Брестского мира, подписанного в 1918 году большевиками. Например, Петэн сохранил в неприкосновенности от победителей-немцев заморские территории – огромную французскую колониальную империю. В труднейших условиях военного поражения (в котором не было вины самого маршала), он, по мере сил, сберегал население страны, армейские кадры и военные ресурсы для будущего.

И маршал был, в глазах большинства французов – до осени 1944 года, законным главой именно Французского государства, а не просто некоего «режима Виши». Также его воспринимали и антигитлеровские союзники – вплоть до того момента, когда он *сам* разорвал дипломатические отношения как с Союзом ССР, после начала германо-советской войны в 1941 году, так и с англосаксами, из-за нарушения ими французского суверенитета – вторжения их в 1942 году на территорию французской Северной Африки. При этом глава Французского государства, как и вождь Испании – генерал Франко, несмотря на немецкое давление, так и не объявил войны ни США, ни СССР. То есть они – *не стали* союзниками Гитлера и нашими военными противниками.

Берлин должен был довольствоваться возможностью использовать на Восточном фронте части французских добровольцев из дивизии CC *Charlemagne*, то есть «Карл Великий», и испанских добровольцев «Голубой дивизии».

Ни в Москве, ни в Париже, ни в Берлине никогда не хотели вслух говорить и о том, что воинским подразделением, до конца оборонявшим берлинскую штаб-квартиру министерства безопасности (РСХА) на Принц Альбрехт-штрассе от наступающих советских частей, была рота французской дивизии *Waffen-SS*.

Как и в нынешней евросоюзной столице Брюсселе не принято публично упоминать факт участия в упорных боях на Восточном фронте бельгийских добровольцев пехотной дивизии СС «Валлония» – единственного боевого подразделения, состоявшего из подданных бельгийской короны, которое приняло серьёзное участие во Второй мировой. Хотя в этих боях отличился видный бельгийский поэт^[4] и влиятельный в 1930-х годах политик Леон Дегрелль, проживший затем долгую жизнь в испанской эмиграции и мирно скончавшийся уже в начале 1990-х годов.

Вообще говоря, граждане стран западной Европы поступали в ряды добровольцев *Waffen-SS* в гораздо большем количестве, нежели в ряды Сопротивления. В боевых частях СС этнических немцев было меньше, нежели других европейских добровольцев

Париж. Весна 1943 года

(включая и боснийских славян-мусульман).^[5]

Даже некоторые идеалистически настроенные представители нейтральных европейских стран вступали тогда в ряды СС и отправлялись на Восточный фронт.

Слава Богу, и к счастью для нас, число этих пассионарных адептов панъевропейского проекта Гитлера и Гиммлера измерялось сотнями тысяч, а не десятками миллионов.

Европейский коллаборационизм – это отдельная большая тема истории Второй мировой войны. И мы знаем о ней гораздо больше, нежели, например, о мучениях и лишениях так называемых «перемещённых лиц», уже после войны миллионами покидавших места своего довоенного проживания, или изгонявшихся из них – и не только советскими коммунистами, но и несоветскими либералами-антикоммунистами.

Но, история – историей, а сегодняшняя политическая реальность Европы вовсе не предполагает пересмотра основополагающей для послевоенного ооновского миропорядка идеологии.

Даже если в войне *демократических наций* против нацизма и фашизма не всё было так просто, как утверждала пропаганда союзников – американская, британская и советская. Даже если относиться к ней как к всеевропейской *гражданской* войне, то это не значит, что сегодня непременно нужно героизировать воинов Гая Мария, проигравшего в начале I века до Р.Х. гражданскую войну Луцию Корнелию Сулле.

Известно, что даже в более ясных, как с моральной, так и с юридической точки зрения, случаях – исторические изыскания и оценки не могут приводить и не приводят к пересмотру оценок политических.

В пору американской войны за независимость, например, десятки тысяч британских колонистов сохранили верность короне, и поплатились за это – после победы сепаратистов «лоялисты» были лишены новыми властями гражданских прав и собственности и высла- ны.

С современной точки зрения, они пострадали совершенно безвинно, но никакое правительство США не может себе позволить сомнений в юридической и политической правоте Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона.

Также и ни одно из старых государств Евросоюза сегодня не может позволить себе сомнений в юридической и политической правоте решений, принятых «большой тройкой» по итогам войны. Последствия любого, даже *мягкого*, пересмотра итогов Второй мировой войны, хотя сегодня не всем и не совсем очевидны, но вполне угрожающе для существующей системы международных отношений.

Ибо 1945 год был не только годом военного торжества либерализма и коммунизма, но и годом военного поражения идеи этнического и расового национализма. Что мировоззренчески было важно для Европы, хоть и переставшей к тому времени осознавать себя *христианским миром*, но всё ещё сохранявшей гипотетическую возможность возврата на круги своя.

Многонациональные имперские миры Вены и Петербурга, разрушенные в ходе Великой войны 1914-1918 годов, под аккомпанемент мантр о «самоопределении» различных народов, в 1945 году были отомщены.^[6]

1945 год был годом прекращения внутриевропейского соперничества и противостояния, и

породившего в начале века, собственно, весь кошмар *второй Тридцатилетней войны* 1914-1945 годов.

Только после окончания Второй мировой войны, вследствие ялтинских и потсдамских соглашений, будучи зажаты между Москвой и Вашингтоном, европейские страны почувствовали, наконец, свою континентальную общность, поверх блоковых барьеров.

На улице Риволи. Париж, 1943 год

И далеко не случайно, что те восточноевропейские политики, кто попробовал пересмотреть итоги Второй мировой и дать новую жизнь старым политическим проектам националистического свойства (вроде новой усташской державы 1990-х годов – Хорватии), не смогли сделать этого без пролития рек крови.

Пересмотр политических итогов европейской гекатомбы означает восстановление, под тем или иным предлогом, старой парадигмы внутривидового соперничества в отношениях между европейскими державами.

А этого старая Европа, чьё коренное население катастрофически уменьшается и мутирует, чья экономика не может противостоять экспансии уважаемого члена Всемирной торговой организации – Китайской народной республики, может просто не пережить.

Сегодня нам можно и нужно быть вполне откровенными в освещении всех, без исключения, трудных тем истории Второй мировой и Великой Отечественной. В том числе, и темы русского и советского коллаборационизма с Гитлером.

Во-первых, все подлинные или мнимые секреты уже обсуждаются – или ветеранами британской разведки русско-советского происхождения, или любителями истории из числа руководителей тех или иных стран «новой Европы».

Во-вторых, нет таких тем, обсуждение которых может быть неудобно для нашей страны – не только правопреемника СССР, но и наследника Императорской России.

Нет никаких причин объявлять деятельность разного рода русских и советских коллаборантов с нацистами – альтернативой тому антигитлеровскому сопротивлению, в котором сами столпы и светочи «свободного мира», англосаксы, безо всяких колебаний, объединились вместе с СССР в *коалицию демократических наций*, сделав вполне очевидный выбор *между Гитлером и Сталиным*.

Понятно, что в условиях войны недопонимание природы гитлеровского режима и его отношения к нам, русским, можно было объяснять разного рода обстоятельствами, *бедствиями войны*, но сегодня эти объяснения не применимы.

Странно в наши дни рассуждать о *борьбе с коммунизмом, а не с Россией*, в применении к всеевропейскому походу против СССР 1941-1945 годов, когда весь корпус исторических данных свидетельствует о том, что национал-революционер Гитлер не рассматривал для России никаких реставрационных проектов. А любой антикоммунистический проект – неизбежно реставрационен, хотя бы по форме.

Сегодня можно только сожалеть о политической и человеческой наивности, с которой на «антикоммунистическую» идейную приманку клюнули многие европейские антикоммунисты, русские белоэмигранты и бывшие советские граждане: сотни тысяч их пошли служить как в немецкие вооружённые силы, так и в различные этнические формирования на той же стороне.

Надо признать, что зимой и весной 1944-1945 годов, когда *всё было ясно*, вряд ли можно было вступать в РОА, и тем более идти в бой – из простой трусости или каких-либо подобных чувств. Видимо, степень ненависти к тогдашнему советскому режиму превышала у этих людей все возможные пределы, и можно только догадываться, какие события в их семейных историях и в истории их страны послужили причиной этой ненависти. То, что в 1920-е и 1930-е годы адепты Коминтерна сделали с подвластным им населением, мы до сих пор не можем до конца понять.

Не дожидаясь ничьих подсказок (совсем не всегда добросовестных), мы сами должны отвечать на вопрос, почему никогда ранее народы Российской империи не испытывали таких чувств к своим управителям.

И если в 1914 году латыши в Прибалтийском крае верноподданнейше просили Государя даровать им возможность создать национальные части латышских стрелков для борьбы с германской армией,^[7] то в 1941 году национальные латышские части формировались уже и на немецкой стороне.

Если в 1916 году Государь благодарил за военные подвиги на австрийском фронте своих *славных ингушей и чеченцев*, добровольно вступавших в его армию, то в 1944 маршал Сталин вынужден был высылать тех же горцев, не будучи удовлетворён их лояльностью советскому режиму.

Весьма показательна, в этом смысле, судьба видного русского писателя и героя Великой войны, генерала П.Н. Краснова. В 1941-1945 годах он решил продолжить свою собственную Гражданскую войну с красными, хотя якобинцев к тому времени уже вымели из Кремля корсиканской метлой, и из разнородного революционного сброда уже вырастали будущие сталинские маршалы.

Нужно признать: притом, что Краснов не смирился с победой красного знамени над имперским двуглавым орлом* (временной, как мы теперь знаем), он, в отличие от Власова, не предавал *нашу Советскую Родину* – ни в 1941-м, ни в 1945 годах. Ибо присягу он давал в своё время Государю Императору, а не Советскому правительству.^[8] И с вполне февралистски настроенным семинаристом-коммунистом Власовым, реакционер и казак Краснов, кстати, решительно не захотел иметь дела.

Поэтому Краснова можно было – в соответствии с нравами Гражданской войны – убить, как политического врага советского режима, бывшего на стороне тогдашних противников этого режима, но его, в отличие от советского генерала Власова, не за что было судить советским судом.

С холодно-исторической точки зрения, можно согласиться с тем, что у бойцов Русского корпуса генерала Штейфона, воевавшего в Югославии против коммунистических партизан Тито, как и у казаков Краснова и фон Паннвица – была своя правда в той войне^[9]. Но это совсем не отменяет того бесспорного факта, что своя правда была и у генштабистов Шапошникова, и у солдат Рокоссовского. И Шапошников, и Рокоссовский, кстати, были офицерами ещё царского производства.

Эта-то историческая правда, правда Шапошникова, так сказать, а не Краснова, и победила в 1945 году. Факт этот бесспорен – сколь бы ни были спорны и даже сомнительны юридические процедуры, на основе которых победители порой расправлялись с поверженными врагами или союзниками врагов.

Русскую судьбу в XX веке можно, действительно, считать трагической. Потому что в высоком жанре трагедии – все протагонисты правы, но итог трагедии – катастрофа. В отличие от драмы, где всем ясно, кто – герой, а кто – злодей.

Но недаром ведь драма – мещанский жанр. А Эсхил, Софокл и Еврипид – это что-то иное, бесконечно более высокое.^[10]

^[1] Как это было, например, в известной истории с «бронзовым солдатом» в Эстонии, весьма способствовавшей консолидации там как, условно говоря, «промосковских антифашистов», так и «антимосковских русофобов». Но первые консолидировались в ходе своего поражения, а вторые – победы, ибо именно они, в конечном счёте, настояли на своём.

^[2] Освобождённый из-под ареста немецкими парашютистами под командованием Отто Скорцени, Муссолини попытался вернуться к власти на чужих штыках, создав на севере Италии фашистское государство – так называемую *Республику Сало*. С попавшими ему в

руки бывшими соратниками, накануне отказавшими ему в доверии, он поступил, так сказать, по законам военного времени.

[3] Наринский М.М. (отв. ред.), *СССР и Франция в годы Второй мировой войны. Сборник научных статей.* – М., 2006. – С. 14.

[4] Надо признать, что высокоталантливые поэты в 1930-е годы, уровня Поля Элюара или Эзры Паунда, почти поголовно симпатизировали либо коммунистам, либо фашистам, либо нацистам: вольных и невольных наследников европейского романтизма влекла революционная, опрокидывающая *скучную* действительность, суть этих движений.

[5] Duprat, François. *Les campagnes de la Waffen SS. Paris, 1973.*

[6] Союз династической и многонациональной монархии Габсбургов с так называемой империей Гогенцоллернов, построенной по чисто этническому принципу, был ситуативным и даже противоестественным. *Аншлюс* же 1938 года ознаменовал победу немецких этнических националистов в многолетней борьбе с имперской идеей Вены. Подробнее вопрос рассмотрен в: Фоменко А.В. *Выход – был! Наследие Франца-Фердинанда // Международная жизнь*, №2-3, 2009.

[7] После боевого крещения стрелков под Митавой (Елгавой) в мае 1915 года в городе состоялась патриотическая манифестация латышей – под портретами Государя Императора, с латышскими патриотическими лозунгами и с пением нашего общегосударственного *народного гимна* («Боже, Царя храни!»). Подробности темы см.: Фоменко А.В. *Прибалтика как русская проблема //Международная жизнь*, №5, 2008.

[8] Судьба П. Н. Краснова могла бы, в известном смысле, напоминать судьбы французских эмигрантов-роялистов, перешедших в русскую службу для продолжения контрреволюционной борьбы, как О. Ф. Долон, Э. Ф. Сен-При, К. О. Ламберт, А. Ф. Ланжерон, А. О. Делагард. Но – только в том случае, если бы он оказался на стороне контрреволюционного, охранительного, христианского режима, подобного Императорской России. Но национал-социалистическая Германия представляла собой вполне революционную, прогрессистскую, вовсе не христианскую силу – что общего могло быть с ней у бывших царских офицеров, не принявших русской революции? Как, впрочем, и у немецких аристократов: очевидное противоречие между ними и нацистским режимом разрешилось, как известно, неудачным военным мятежом 20 июля 1944 года.

[9] Тот факт, что германский подданный генерал Гельмут фон Паннвиц, не попытавшись получить у британцев статус военнопленного, предпочёл отправиться на верную смерть вместе со своими русскими товарищами по оружию, находит некоторое объяснение в его восточно-прусском происхождении. Ближайшими соседями фон Паннвицев по имению – на русской стороне границы, каковая вплоть до начала Первой мировой войны была достаточно прозрачной – была семья известного «кавказского» генерала Краснокутского; и оба брата фон Паннвица с детства дружили с Маргаритой Краснокутской-Лопухиной. См.: Щербатов, князь Алексей, Криворучкина-Щербатова, Лариса. *Право на прошлое.* М., 2005, С. 169.

[10] Глубины русской трагедии не могут понять ни заскоруждые коммунисты-ленинцы, ни заскоруждые антикоммунисты, вроде известного священника Георгия Митрофанова, по всей видимости, исходя из лучших побуждений, дошедшего до морального уравнивания

царского генерала Краснова, не изменявшего присяге, и – дважды предателя, советского генерала Власова...

* Масштабный роман-эпопея П. Н. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени», увидевший свет в 1921 г. и ставший чрезвычайно популярным у зарубежных читателей, охватывает более четверти века русской жизни – с конца XIX столетия и вплоть до окончания Гражданской войны